

Общечеловѣческіе Корни Идеализма.

Мнѣ хочется познакомить читателей „Вѣстника Теософіи“ съ глубоко интереснымъ явленіемъ въ новѣйшей религіозно-философской мысли *). Въ сентябрѣ 1908 года передъ собраніемъ ученыхъ богослововъ въ Московской Духовной Академіи была прочитана молодымъ академикомъ П. Флоренскимъ рѣчь, названная имъ „Общечеловѣческіе Корни Идеализма“. Онъ начинается съ того, что устанавливаетъ родословную Духовной Академіи (по ея человѣческому содержанию) отъ Платона, котораго называетъ ея „истиннымъ основателемъ“, „вдохновителемъ“ и даже „первымъ ректоромъ“ ея. И прибавляетъ, что вспомнить *языческихъ* своихъ предковъ—это значить исполнить христіанскій долгъ въ отношеніи къ нимъ.

Такимъ образомъ, онъ ясно и опредѣленно устанавливаетъ духовную связь древне-языческаго міра съ христіанскимъ міромъ.

Но онъ не доходитъ до источника Платонизма, до древнихъ мистерій. Возможно, что это и неудобно въ такой аудиторіи; но въ нѣсколькихъ мѣстахъ онъ подходитъ очень близко къ этому источнику. Такъ, въ одномъ мѣстѣ на вопросъ: „изъ какихъ данныхъ сознанія происходитъ Платонизмъ?“ онъ отвѣчаетъ: *Магія*, вотъ единственное слово, которое рѣшаетъ платоновскій вопросъ, или, если хотите болѣе современное слово—*окультизмъ* **). Подъ „Магіей“ онъ подразумѣваетъ проникновеніе въ сущность вещей, въ самую суть природы, въ *das Ding an sich*, въ противоположность интеллектуальному изученію однѣхъ внѣшнихъ формъ вещей. Такое проникновеніе онъ видитъ въ Платонѣ

*) Статья эта написана по поводу рѣчи П. Флоренскаго: „Общечеловѣческіе Корни Идеализма“,—изданіе Троице-Сергіевой Лавры.

***) Стран. 8-ая отдѣльнаго изданія рѣчи Флоренскаго „Общечеловѣческіе Корни Идеализма“. Сергіевъ Посадъ. 1909 г.

и его школъ, но сознательное, философски обоснованное; и его же онъ находить въ міровоззрѣніи народа, въ творческомъ процессѣ народной души. Отсюда онъ дѣлаетъ тотъ выводъ, что философскій идеализмъ, идеальное міровоззрѣніе коренится въ міроощущеніи народной души. Это ясно выражено въ заключительныхъ словахъ его рѣчи, которыми онъ подчеркиваетъ, что для него—народное, мужицкое—какъ онъ выражается—міросозерцаніе „стоитъ гораздо ближе къ истинѣ, нежели многія лженаучныя системы“.

„Свѣтъ изъ тьмы! Надъ черной глыбой
Вознестися не могли бы
Лики розъ твоихъ,
Еслибъ въ сумрачное лоно
Не впивался нагруженный
Темный корень ихъ“.

Такова Платонова философія. Это благоуханная роза, выросшая на все-человѣческомъ темномъ черноземѣ, это „Темнаго Хаоса Свѣтлая Дочь“, такъ кончаетъ свою лекцію Флоренскій.

Этотъ выводъ заставляетъ думать, что мысль Флоренскаго все еще двигается по привычнымъ линіямъ позитивистическаго основанія корней человѣческаго творчества. Но рядомъ съ этимъ у него столько новаго, столько глубоко эзотерическаго, такая свѣтлая струя теософическихъ идей, что можно привѣтствовать его какъ одну изъ тѣхъ новыхъ силъ въ христіанскомъ богословіи, которыя *должны* появиться, чтобы одухотворить и углубить наше христіанское богословіе—болѣе того, чтобы вновь создать христіанскій эзотеризмъ на почвѣ древневосточнаго, раскрываемаго теософіей, эзотеризма.

Въ первой части своей лекціи Флоренскій старается провести параллель между идеалистической системой мысли языческаго философа и міроощущеніемъ народа. Въ цѣльности духовной жизни народа и въ идеалѣ *цѣльнаго* знанія, начертаннаго Платономъ и такъ ярко сказывающемся во всемъ міросозерцаніи древняго Востока, прибавлю я отъ себя, онъ видитъ антитезу современнаго духовнаго „атомизма“, какъ онъ называетъ современную раздробленность сознанія, отсутствіе духовной связи между различными частями агностическаго міропониманія современныхъ европейцевъ. Вся эта часть лекціи выражена съ такой образной красотой, что я приведу изъ нея большія выдержки, которыя познакомятъ читателя съ обаятельной рѣчью Флоренскаго.

„Платонъ далъ имя нашей школъ.

„Неужели она называется именно Академіей, а не Лицеємъ или Стоей, или Университетомъ безъ причины? Конечно, нѣтъ. Вы знаете о несомнѣнной преемственности нашей духовной культуры отъ Платона. Своимъ именемъ мы признаемъ себя питомцами и той, Аѳинской Академіи. Разумѣется въ этомъ признаніи нѣтъ ничего унижительнаго для христіанства. Развѣ христіане сами не бывали рождены языческими родителями. Такъ и мы сыны древняго Пророка Атики...

„Какъ послѣ бюста Платона и глаза не глядятъ на бюсты иныхъ мыслителей, такъ послѣ твореній его кажутся сырыми, грубыми и земными писанія ихъ. Какіе маленькіе они въ сравненіи съ этимъ провидцемъ-философомъ, безупречнымъ общественнымъ дѣятелемъ, чуткимъ воспитателемъ, вдохновеннымъ поэтомъ! Какою непонятною силою заклиалъ онъ слова своихъ писаній, что, по исходѣ тысячелѣтій, все еще волнуютъ сердца страннымъ волненіемъ и жгутъ ихъ сладкою болью, и томятъ, и влекутъ въ еле зримую, брежущую въ холодныхъ предутреннихъ туманахъ даль? Чѣмъ то мистериальнымъ благоухаютъ его священныя рѣчи, исполненныя божественной магіи. Такъ пахнетъ осѣвшимъ на стѣнѣ ѳиміамомъ въ давно неотворявшихся храмахъ. И какими глубокими очами смотрятъ на читателя его странные миѳы. Кто знаетъ, какой тайный смыслъ скрывается за ними? Вѣдь эзотеризмъ платоновой школы такъ вѣроятенъ. Творенія философовъ значительно позднѣйшихъ давно уже пожелтѣли и высохли. Спаль ихъ нарядный уборъ, и стоятъ предъ сознаніемъ оголенные ихъ схемы, какъ мерзлыя деревья зимою. Но живы и будутъ жить эти притрепетные Діалоги Платона. И нѣтъ такого человѣка, который, хотя бы одно время жизни своей, не былъ платоникомъ. Кто, вѣдь, не испытывалъ, какъ растутъ крылья души? Кто не знаетъ, какъ подымается она къ непосредственному созерцанію того, что отъ будничной сутолоки задернуто сѣрымъ покровомъ облакъ? Кто съ помощью Эроса не проникалъ въ невѣдомыя разсудку глубины познанія? Кому не открывалась иная лучезарная дѣйствительность, гдѣ лицомъ къ лицу вдохновенный встрѣчаетъ вѣчные прообразы вещей? Кто не переживалъ, какъ рушится и падаетъ непроходимая стѣна между субъектомъ и объектомъ,— какъ я выходитъ за предѣлы своего эгоистическаго обособленія, какъ открытою широкою грудью вдыхаетъ оно горный воздухъ познанія и дѣлается единымъ со всѣмъ міромъ? Тѣ „прекрасныя, чистыя, отрѣшенныя отъ всего земнаго и какъ бы сотканныя изъ запаха цвѣтовъ и луннаго свѣта грезы любви, которыми теперь

туманятся дни юности и которыя воспѣваются всѣми поэтами у всѣхъ образованныхъ народовъ—развѣ грезы эти порождены не платонизмомъ? И развѣ „идеи“, „сущности“, „понятія“, „монады“, „личности“, которыми живетъ и движется философія,—не въ кровномъ родствѣ съ ученіемъ Платона? Идеализмъ,—въ широкомъ смыслѣ слова,—стихія философіи, и, лишенная этого кислорода, философія задыхается, а затѣмъ увядаетъ и гибнетъ.

Европейская философія вышла изъ рукъ Платона.

„Но откуда *самъ* онъ взялъ свою мысль объ Эросѣ, какъ познавательномъ началѣ философіи? Откуда явилось у *него* представленіе о непосредственномъ касаніи къ самой сути вещей, къ ихъ таинственной душѣ? Какъ возникло это почти безграничное отождествленіе слова и мысли (Soph. 263 E. Phaed. 99 D, E)? Какимъ путемъ пришелъ Платонъ къ своему царству воистину сущихъ, неизмѣняемыхъ, имматеріальныхъ, самихъ по себѣ прекрасныхъ, вѣчныхъ, находящихся въ „умномъ мѣстѣ“ образовъ сущаго, познавая которые въ Эросѣ мы владѣемъ ключемъ въ отверженію всѣхъ тайнъ міра? И почему сѣдою *древностью* вѣетъ отъ этихъ концепцій философа? Почему онѣ всегда современны? Это—темные вопросы. Но, кажется, менѣе всего справедливо обычное объясненіе; видящее въ платоновскихъ „идеяхъ“ впостазированныя „понятія“ Сократа. „Сократъ, моль, училъ о родовыхъ понятіяхъ: а Платонъ взялъ да превратилъ ихъ въ метафизическія сущности“. Какъ это просто!—и какъ это нелѣпо психологически.

„Мнѣ кажется умѣстнымъ исполнить сыновній долгъ дальше,—глубже проникнуть въ „Книгу родовъ“ нашей школы. При этомъ я надѣюсь показать вамъ *корни* платонизма, которыми онъ привлекаетъ къ себѣ почвенную влагу общечеловѣческихъ вѣрованій. Въ этой *почвенности* платонизма, мнѣ кажется, и заята причина его *вѣчности*. Вѣдь Платонъ—не плодъ школьной философіи, а цвѣтокъ *народной* души, и краски его не поблекнутъ, доколѣ будетъ жить эта душа.

„Вопросомъ „откуда происходитъ платонизмъ“ спрашивается вовсе не то, каковы *историческія* вліянія и связи, обусловившія возникновеніе его. Выяснять историческія вліянія въ большинствѣ случаевъ дѣло столь безнадежно темное, что дѣлается оно посредствомъ многихъ насилій надъ исторіей. Но есть и иной смыслъ вопроса „откуда?“ а именно: „Изъ какихъ данныхъ сознанія? Гдѣ эти данныя проявили себя въ своей первичной грубости? Гдѣ они болѣе ярки? Если вы согласитесь на такую постановку вопроса, то отвѣтъ мой кратокъ и простъ. *Магія*—вотъ то единственное

слово, которое рѣшаетъ Платоновскій вопросъ. Или, если хотите болѣе современнаго слова, то это будетъ „*окультизмъ*“. Но не думайте, что я хочу говорить вамъ о чертяхъ или вѣдьмахъ. Меня, какъ историка, вопросъ объ ихъ реальности нисколько не касается. Пусть нѣтъ лѣшихъ и русалокъ:—но есть воспріятіе ихъ. Пусть нѣтъ власти заклятій и заговоровъ:—но есть вѣра въ нее. Какъ мнѣ, такъ и вамъ, данъ *фактъ*—міроощущеніе и міровоззрѣніе мага.

„Дѣло психологовъ рѣшить, міровоззрѣніе ли мѣняется отъ измѣненій въ міроощущеніи, или, напротивъ, само міроощущеніе есть лишь производное отъ міровоззрѣнія.

„Чтобы понять внутреннюю жизнь древняго человѣка, чтобы проникнуть въ непосредственное міровоспріятіе крестьянина необходимо отрѣшиться отъ интеллигентскихъ взглядовъ, забыть о нихъ и, съ чистымъ сердцемъ, не очерствѣлымъ отъ предвзятыхъ схемъ и безчисленныхъ научныхъ теорій, всмотрѣться въ этотъ новый душевный міръ. Для того же, кто не живетъ или не можетъ жить этою цѣльною жизнью, ключъ къ народному міросозерцанію утерянъ навсегда. Понимать чужую душу—это значить перевоплощаться. Быть можетъ, самымъ близкимъ къ народному сознанію является моментъ геніальнаго озаренія пѣта, когда снимаются грани мірового обособленія, когда онъ слышитъ:

И дольней розы прозябанье,
И горнихъ ангеловъ полеть.

„И напротивъ, нѣтъ ничего болѣе далекаго отъ народнаго, непосредственнаго сознанія, какъ тотъ духовный атомизмъ, который, какъ ракъ, изѣлъ и мертвитъ современную душу. Возьмите для примѣра ближайшую къ намъ область,—науку. Идеаль *цѣльнаго знанія*, столь ясно начертанный Платономъ, пересталъ вести науку даже въ качествѣ Кантовской регулятивной идеи. Не наукою, а дисциплинами занято человѣчество. Случайные вопросы, какъ внушенное представленіе, вѣдаются въ сознаніе и, поработанное своими же порожденіями, оно теряетъ связь со всѣмъ міромъ. Спеціализація, моноидеизмъ,—губительная болѣзнь вѣка, требуетъ себѣ больше жертвъ, нежели чума, холера и моровая язва. Нѣтъ даже спеціалистовъ по наукамъ: одинъ знаетъ эллиптическіе интегралы, другой—ротаторій, третій—химію какого-нибудь подвида бѣлковъ и т. д.

„Но еще замѣтнѣе это развѣдающее дѣйствіе душевнаго атомизма на другихъ обласляхъ. Для многихъ-ли природа не разла-

гается на ничѣмъ не связанные между собою землю, лѣсъ, поле, рѣку и т. д. Да и многіе-ли за деревьями видятъ лѣсъ? Для многихъ-ли „лѣсъ“ есть не только собирательное существительное и риторическое олицетвореніе, т. е. чистая фикція, а нѣчто единое, живое. Вы недоумѣваете на мой вопросъ? Но вѣдь реальное *единство* есть единство самосознанія. Итакъ, спрашиваю, многіе-ли признаютъ за лѣсомъ единство, т. е. живую душу лѣса, какъ цѣлаго, *лѣсного, лѣсовика, лѣшаго*? Согласны-ли Вы признать *русалокъ* и *водяныхъ*—эти души водной стихіи? Видите, какъ различна внутренняя жизнь. Но оставимъ природу. Посмотрите, какъ распались начала внутренней жизни: святыня, красота, добро, польза не только не образуютъ единаго цѣлаго, но даже и въ мысляхъ не подлежатъ теперь слянію. Современная святыня робка и жметса въ затаенный, ни для чего болѣе не нужный уголокъ души. Красота бездѣйственна и мечтательна, добро ригористично, польза,—пресловутый кумиръ нашихъ дней,—нагла и жестока. Жизнь распылалась. Какой глубокой смыслъ въ томъ, что научная психологія—бездушная психологія: вѣдь и впрямь у людей нашего времени нѣтъ души, а вмѣсто нея одинъ только психическій потокъ, связка ассоціацій, психическая пыль. День мелькаетъ за днемъ, „дѣло“ за „дѣломъ“. Смѣняются психическія „состоянія“, но нѣтъ цѣльной жизни. Если у души отрицаютъ субстанціональность, то это—вовсе не выдумка психологовъ, а дѣйствительное самопознаніе, содержаніе котораго сводится къ тому, что не бываетъ переживанія себя, какъ субстанции, при современномъ распадѣ души. Но взгляните въ душу народную, и вы увидите, что тамъ—совсѣмъ не такъ. Медлительно и важно течетъ жизнь,—свѣжая, широкая и свѣтлая, и какъ Волга, напоенная закатнымъ блескомъ и вечерньющею прохладою,—и отдѣльныя струи ея, сплетаясь межъ собою, дружно текутъ и сливаются во-едино. Тутъ цѣлень челоуѣкъ. Польза не есть только польза, но она и добро; она и прекрасна, она и свята.

„Знаніе крестьянина,—цѣльное, органически-слитное, нужное ему знаніе, выросшее изъ души его; интеллигентное-же знаніе раздробленно, по большей части органически вовсе не нужно ему, внѣшне взято имъ на себя. Онъ,—какъ навьюченный скотъ,—несетъ бремя своего знанія. И все, и все-такъ, въ особенности-же—языкъ.

„Народъ живетъ цѣльною, содержательною жизнью. Какъ нѣтъ тутъ непроницаемости, непроходимой стѣны изъ „вѣжливости“ между отдѣльными личностями, такъ и съ природою крестьянинъ живетъ *одною* жизнью, какъ сынъ съ матерью, и эти отношенія

его къ природѣ то—любовны, нѣжны и проникновенны, то—исполнены странной жути, смятенія и ужаса, порою-же властны и своевольны. То подчиняясь природѣ, то подчиняя ее самъ, или же сожительствова ей, какъ равный равной, онъ, однако, всегда *открытыми* глазами смотреть на всю тварь, дышитъ съ нею *однимъ* воздухомъ, грѣется *однимъ* солнышкомъ. Это не сантиментальное воздыханіе по природѣ. Нѣтъ, это—на дѣлѣ жизнь съ нею,—жизнь, въ которой столько черной работы и житейской грубости, и которая, тѣмъ не менѣе, въ глубинѣ своей, всегда носить сосредоточенность и подлинную любовь. И потому, даже будничная жизнь среднихъ людей проникнута какимъ-то непередаваемымъ трепетомъ поэзіи и сердечности. Возьмите любой травникъ или лечебникъ,—книгу, повидимому, чисто утилитарную, и сравните описаніе ея съ описаніями ботаниковъ. Вы не сможете не поразиться тою нѣжностью, тою любовностью, съ какою говоритъ о травахъ народная фармакопея. Есть трава „тихоня“, говорится въ бѣло-русскомъ травникѣ: „растетъ окала зелени, листочки маленькія, маленькія рядышкымъ, рядышкымъ, твятчикъ сининкій. Растетъ окала земли, стелитца у разныи сторыны“.—Или послушайте благоговѣйное описаніе простого одувачника (мы, быть можетъ и не замѣтили-бы его), какъ хрупкаго, живого и дорогого намъ существа: „трава вездѣ растетъ по пожнямъ и по межникамъ и по протокамъ, листьѣ разстилается по землѣ. Кругомъ листиковъ рубежки, а изъ нея на серединѣ стволикъ, тощій, прекрасень, а цвѣтъ у него желтъ, а какъ отцвѣтетъ, то пухъ станетъ шапочкою, а какъ пухъ сойдетъ со стволиковъ, то станутъ плѣшки; а въ корнѣ на листу и въ стволикѣ, какъ сорвешъ, въ нихъ бѣленко“...

„Народъ видѣлъ и, нерѣдко, видитъ *ангеловъ* въ травахъ, цвѣтахъ и птицахъ. „Есть трава именемъ *Архангель*,—говоритъ травникъ,—собою мала, на сторонахъ по девять листовъ, тонка въ стрѣлки, четыре цвѣта: червленъ, зеленъ, багровъ, синь. Та трава вельми добра: кто ее рветъ на Иванъ день сквозь златую или серебряную гривну и ту трава носить, и тотъ человѣкъ не боится дьявола ни въ ночь, ни злого человѣка“. Голуби называются „*Ангелами Божіими*“: это святая птица, убивать ее—великій грѣхъ. *Пчела*—„Божія угодница“—„Божія скотинка“. Она символъ чистоты и водится только у людей праведныхъ и чистоплотныхъ, мирно живущихъ со своею семьею; извѣстно, что „пчела жалитъ только грѣшника“. А въ Костромской губерніи и дѣтей научаютъ: „Если Божія коровка, (вслушайтесь въ самое названіе ма-

ленькаго жучка) если Божія коровка сядетъ на ручку, то ее не гони и не обижай, а подыми ручку пальчикомъ вверхъ и припѣвай:

„Божія коровка
улетай на небо:
тамъ тепленько,
здѣсь холоденько“,

и тогда она раскроетъ крылышки и улетитъ.

„Какая непроходимая пропасть отдѣляетъ это благоговѣніе предъ *всѣмъ* и гадливость ко *всему*,—гадливость, которая такъ трудно отдѣлима отъ интеллигентности!

„Вся природа одушевлена для народа, *вся* жива,—въ цѣломъ и въ частяхъ. Все связано тайными узами между собой, все дышитъ вмѣстѣ другъ съ другомъ. Враждебныя и благотворныя воздѣйствія идутъ со всѣхъ сторонъ. Ничто не бездѣйственно: но, однако, всѣ дѣйствія и взаимодѣйствія вещей—существъ—думъ имѣютъ въ основѣ—родъ телепатіи, изнутри дѣйствующее, симпатическое сродство. Энергіи вещей *втекаютъ* въ другія вещи, и каждая во всѣхъ, и всѣ—въ каждой. Послушайте, какъ крестьянинъ разговариваетъ со скотиною, съ деревомъ, съ вещью, со всею природою: онъ ласкаетъ, проситъ, умоляетъ, ругаетъ, прокликаетъ, бесѣдуетъ съ нею, возмущается ею и, порою, ненавидитъ. Онъ живетъ съ природою въ тѣсномъ союзѣ, борется съ нею и смиряется предъ нею. Какая-нибудь былинка не просто былинка, но что-то безмѣрно болѣе значительное,—особый міръ. И міръ этотъ глядитъ на другіе міры глубокими, завораживающими очами. Всѣ вещи взираютъ другъ на друга, тысячекратно отражаютъ другъ-друга. Всѣ вещи—центры исходящихъ тайныхъ силъ. Пересѣкаясь, сплетаясь, запутываясь, эти черные лучи, эти нити судебъ вяжутъ узлы—новые центры, какъ-бы новыя много-различныя манифестаціи природы,—то являющіяся, то исчезающія, то попадающія въ поле зрѣнія повседнежнаго, то заволакивающіяся отъ солнечнаго свѣта туманною дымкою, или исчезающія въ густой, какъ смола, тьмѣ ночи. Это—безчисленныя существа,—лѣсовые, полевые, домовые, под-овинники, сарайники, русалки, шишиги или кикиморы и т. д. и т. д.,—двойники вещей, мѣстъ и стихій, воплощенныя и безплотныя, добрыя и злыя *numina* ихъ. Это,—предвосхищу дальнѣйшее,—*впостасныя имена вещей, nomina* ихъ. Это—знаменія судебъ ихъ, *otina* ихъ. Это—*Numina—Nomina—Omina* *genit.* Но, прежде всего, это живыя существа. Они покровительствуютъ человѣку и враждуютъ съ нимъ. Они то возвращаются въ поражающія ихъ стихіи, растворяясь въ нихъ и обез-

личиваются до простыхъ поэтическихъ олицетвореній этой стихіи, то снова выступаютъ изъ нихъ, снова надѣваютъ личину самостоятельности, говорятъ какими-то особыми, но порою чловѣку понятными голосами,—быть можетъ, беззвучными телепатическими внушеніями, прямо въ душу—требууютъ себѣ пищу, вершатъ житейскія дѣла, женятся и посягаютъ, ѣдятъ, пьютъ, спятъ, ссорятся, дерутся, хохочутъ и плачутъ, радуются и печалются, болѣютъ и умираютъ. Какъ по стѣнамъ невѣрныхъ тѣни угасающей лучины, мелькаютъ эти души и двойники вещей, мѣняются видомъ, выступаютъ изъ мрака и снова уходятъ, вырастаютъ и уменьшаются, дѣлаются отчетливыми и расплываются. Кажется, вотъ—вотъ сможешь запечатлѣть ихъ взглядомъ! Но нѣтъ! Они растаяли, и осталось обычное, обиходное, дневное. Отвернулся,—и снова они тутъ, прихотливые тремодники, чудные проказники. Никто не можетъ точно описать ихъ, никто отчетливо не знаетъ, какія у нихъ лица; а иногда они кажутся и вовсе безликими; у нихъ вмѣсто лицъ—зіяющая бездонность ночи. Вся дѣйствительность переливается странными фосфоресцирующими свѣтами, — углубляется новою, интеллигенту невѣдомою свѣто-тѣнью. Каждая вещь порою дѣлается болѣе, нежели она есть грубо-эмпирически. Отъ всего ждешь диковинъ. И ничего нельзя закрѣпить, утвердить окончательно. Міръ этотъ есть всегда—текущее, всегда бывающее, всегда дрожащее полубытіе, и за нимъ, за его—какъ воздухъ надъ землею въ жаркій полдень—дрожащими и колеблющимися и размытыми очертаніями чуткое око прозрѣваетъ иную дѣйствительность.

„Вотъ вѣтеръ кружится вдоль по дорогѣ, завивая снѣжные или пыльные столбы. Но это — не просто вѣтеръ. Это — вѣдьма празднуетъ свою нечистую свадьбу съ чортомъ. И въ этомъ легко убѣдиться. Брось ножъ въ этотъ вихрь;—ты увидишь, какъ его втянетъ туда, понесетъ, а потомъ онъ упадетъ, окровавленный нечистою кровью. „Окровавленный вихремъ“ ножъ — не просто ножъ. Имъ можно вырѣзывать слѣды, оставленные молодичей въ снѣгу, можно творить иныя неподобныя чары. Или еще: надъ крышею вдовьяго дома разсыпались золотымъ дождемъ огненные искры, какъ не простымъ былъ золотой потокъ, одождившій Данаю. Искры эти—змѣй-летунъ, оборачивающійся въ избѣ покойнымъ мужемъ хозяйки, вступающій съ нею въ плотскую связь и доставляющій ей деньги; отъ этого сочетанія женщины съ нездѣшней силою родится,—ужъ конечно!—уродина, звѣро-образный ребенокъ, имѣющій какую-нибудь часть тѣла звѣриную. Да и одно-ли только это?

„Все, все, что ни видитъ взоръ—все имѣетъ свое тайное значеніе, двойное существованіе и иную, за-эмпирическую сущность. Все причастно *иному* міру, во всемъ *иной* міръ отображаетъ свой оттискъ...

„Это воззрѣніе на двойственную природу *всего* въ мірѣ—воззрѣніе все-человѣческое. Какъ каменный хрящъ известковымъ растворомъ, весь видимый міръ былъ пропитанъ и скрѣпленъ потустороннимъ. Нѣтъ *просто* ѣды, болѣзни, просто одежды, просто огня, просто жилья. Все—просто и непросто; все житейско. Океанъ невѣдомаго бьетъ волнами въ обиходъ. Человѣкъ пускаетъ длинные корни въ инья почвы, нежели эта почва. Воспріимчивость его обостряется, душа его становится чуткою и вѣщюю, примѣчающею то, „что для другихъ неуловимо“, чего не замѣчаетъ разслабленная рефлексіей душа. Тайственное вростаетъ въ обиходъ, обиходъ дѣлается частью таинственнаго. Нездѣшняя сила срастворяется съ шелестами и шорохами ночи, съ воемъ вѣтра, съ гудѣніемъ лѣса, съ крикомъ ночныхъ птицъ, съ жизнью всей природы. Идешь ты вечеромъ надъ рѣкою: всплеснулась рыба; зашелестѣлъ дрездильникъ, зашумѣло что-то въ хвощахъ; выхухоль бросился въ воду,—ну, совсѣмъ какъ мужикъ. Но ты напрасно успокаиваешь себя. Такъ и знай, что не спроста екнуло у тебя сердце: вѣдь это конечно, дѣдушка — водяной „мыряется“ въ черной влагѣ.—Или, вотъ, въ лѣсу заржало, заухало, захохотало,—да такъ, что листъ съ дерева посыпался. А то,—бываетъ,—ровно ребенокъ жалобно заплачетъ и застонетъ кто-то въ лѣсу, завизжитъ и снова расхохочется.

„Однако, у крестьянина, средняго, это міроощущеніе не развивается до конца. Есть множество тайнъ, которыя онъ принимаетъ попросту, довѣрчиво, и мудро не любопытствуетъ о нихъ далѣе, смиряется передъ невѣдомымъ, молчитъ или отвѣчаетъ случайно подвернувшимися мифами...

„Но есть и среди крестьянъ отдѣльные люди, которымъ вѣдомо и невѣдомое. Они—вѣдуны и вѣдуньи, вѣдьмаки и вѣдьмы, ибо *они* вѣдуютъ по преимуществу. Одни изъ нихъ такъ и отродились, нарочито отзывчивые на каждую вибрацію міра; другіе достигли вѣдѣнія посредствомъ внутренней аскезы или благочестія и созерцательной жизни. Третьи вступили въ союзъ съ темною силою, поработились нечисти, подталкиваемые несчастіями, гнѣвомъ, или страстью. Одни пользуются своимъ вѣдѣніемъ во благо, другіе во зло. Но всѣ они, добрые и злые, прирожденные и выученные переживаютъ *такія* времена, когда видятъ, слышатъ и

всячески воспринимають то, что незримо и непостижимо всѣмъ прочимъ. Всѣ они живутъ двойною жизнью. Предъ всѣми ними отверзаются настезь двери потусторонняго. Всю силу своей воли сосредоточивая на *одномъ* желаніи, заклинатель наполняется этимъ желаніемъ, самъ становится воплощеніемъ единаго акта воли. „Воля къ дѣйствию“ отдѣляется отъ него, выходитъ за предѣлы его ограниченности, вступаетъ въ активное взаимодействіе съ волями природныхъ вещей—существъ. Она — дѣйственный духъ среди другихъ духовъ, центръ мистическихъ силъ среди другихъ центровъ. Онъ борется съ природою и вступаетъ съ нею въ союзъ; побѣждаетъ ее и бываетъ побѣждаемъ. Онъ уже не человекъ, не просто субъектъ, для котораго міръ есть просто объектъ. Нѣтъ тутъ ни субъекта, ни объекта. Теряется это различіе въ дружественномъ или враждебномъ слитіи съ природою, въ этомъ объятіи или этой схваткѣ съ тайными силами. Онъ—часть природы; она—часть его. Онъ вступаетъ въ бракъ съ природою и тутъ—намекъ на тѣснѣйшую связь и почти нераздѣлимую сліяность между оккультными силами и метафизическимъ корнемъ пола. *Двое* становятся однимъ. Мысли мага сами собою выливаются въ слова. Его слова—уже начинающіяся дѣйствія.

„Мысль и слово, слово и дѣло—нераздѣльны,—одно и то же, тождественны. Дѣло рождается само собою, какъ плодъ этого брачнаго смѣшенія кудесника и природы. Вѣдь даже въ обычномъ, „дневномъ“ сознаніи нельзя *только* мыслить, нельзя мыслить безъ словъ. Мысль сама собою заставляетъ извѣстнымъ образомъ напрягаться наши голосовыя связки, сама собою заставляетъ насъ внутренне произносить мыслимое слово. Мыслить—по выраженію полинезійцевъ, рьяно защищаемому М. Мюллеромъ,—это значить „говорить въ животъ“, т. е. беззвучно артикулировать. Стоитъ немного забыться, и вы будете произносить вслухъ; ваша артикуляція выявится въ звукъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, мысль есть и начало дѣйствія. Когда вы обдумываете что-нибудь, вы неизбѣжно готовитесь начать рядъ дѣйствій, такъ или иначе напрягаете мышцы. Чѣмъ напряженнѣе желаніе, чѣмъ непосредственнѣе сознаніе, тѣмъ ближе другъ къ другу мысль, слово и дѣло. Въ экстазѣ магическаго творчества, въ упоеніи міро-творческою властью нѣтъ границы между ними.

„Одно *есть* другое. Огненною лавою течетъ изъ устъ заклинаніе и, ударяясь о вещи, плавить ихъ и отлиываетъ въ новыя формы, даваемыя кудесникомъ. Кто имѣлъ дѣло съ гипнозомъ, тотъ хорошо знаетъ это состояніе, когда слово, даже желаніе,

осуществляется безъ промежуточныхъ звеньевъ; но еще лучше знаетъ его тотъ, кто дѣлалъ опытъ съ движеніемъ тѣлъ по приказу словесному или мысленному, когда нечеловѣческое „да будетъ“ претворяетъ дѣйствительность, когда *mens agitat molem*; и тотъ пойметъ, что активность кудесника—это нѣчто совсѣмъ, совсѣмъ иное, нежели обычное, пассивное воспріятіе міра.

„Въ этомъ соединеніи субъекта съ объектомъ, въ сліяніи, которое зачинаетъ уже дѣйствіе, и дѣйствіе котораго есть воплощенное слово, кудесникъ живетъ какъ полу-богъ, какъ особое существо, уходящее отъ людей и возвращающееся въ лоно природы“...

Во второй части своей лекціи Флоренскій даетъ совершенно оккультное разслѣдованіе могущества *словъ*; при этомъ онъ обнаруживаетъ большую ученость и знаніе древнихъ и современныхъ языковъ. Интересенъ его анализъ силы, посредствомъ которой дѣйствуютъ заклинатель или кудесникъ.

„Дѣйственная, творческая воля кудесника,—сама по себѣ—темна, безвидна и неопредѣленна. Это—стихійная мощь, незнающая цѣли;—напряженіе, не являющее себя, ибо не знаетъ, какъ явить себя:—чистая возможность, не имѣющая ничего дѣйствительнаго. Она даетъ *сказуемое* міру творческаго сужденія: „Да будетъ“. Но что „Да будетъ“? Сказуемымъ опредѣляется реальность подлежащаго; но только подлежащее, своею идеальной данностью, опредѣляетъ творческій переводъ потенціи въ актъ. Идея—вотъ что должно быть подлежащимъ. И только наличность *идеи* въ духѣ кудесника дѣлаетъ дѣйствительностью его творческую возможность. Идея, мыслимая кудесникомъ, направляетъ его мощь, даетъ опредѣленность его напряженію. Но и сама идея требуетъ скрѣпляющей ее сдержки. Идея фиксируется лишь въ *словѣ*. Лишь слово, хотя бы и беззвучно произносимое, хотя бы лишь потенциальное слово, данное какъ *напряжение* голосовыхъ мышцъ (и въ крайнемъ случаѣ, какъ *другое* мускульное чувство), лишь оно фиксируетъ мысль на *идеѣ*. Лишь въ *словѣ* объективируется и получаетъ опредѣленность воля. *Слово* кудесника есть эманация его воли; это—выдѣленіе души его, самостоятельный центръ силъ,—какъ бы живое существо, съ тѣломъ, сотканнымъ изъ воздуха, и внутренней структурою—формою звуковой волны. Это—элементаль,—по выраженію оккультистовъ,—особаго рода природный духъ, изсылаемый изъ себя кудесникомъ. Слово—это и есть *подлежащее*, сказуемымъ котораго является творческое „Да будетъ“.

„Дѣйствіе ли то, состояніе, качество или вещь,—слово, какъ подлежащее, какъ желаемое, непременно носитъ характеръ *вещный*, субстанціальный. Съ этимъ, желаемымъ, кудесникъ вступаетъ въ живое взаимодействіе. Мысленно противопоставляя *себя* идеальное, объектъ (ибо объектъ—всегда идеаленъ, тогда какъ субъектъ—реаленъ), актомъ воленія, въ творческомъ восторгѣ зачатія, онъ порождаетъ часть своей души, *подражающей* этому идеальному, и, направляя это рожденное отъ него слово на противостоящій ему объектъ, заклинаетъ его, т. е. сливается съ нимъ посредствомъ своей эманации.

„Слово кудесника—вещно. Оно—сама вещь. Оно поэтому всегда есть *имя*. Магія дѣйствія есть магія словъ; магія словъ—магія именъ. *Имя* вещи и есть субстанція вещи. Въ вещи живетъ имя; вещь творится именемъ. Вещь вступаетъ во взаимодействіе съ именемъ, вещь подражаетъ имени. У вещи—*много* разныхъ именъ, но различна ихъ мощь, различна ихъ глубина. Есть имена болѣе и менѣе периферическія, и, сообразно съ тѣмъ, зная имя вещи, мы знаемъ болѣе и менѣе и самую вещь и могучи болѣе и менѣе въ отношеніи къ ней. Непроницаемость вещи происходитъ отъ неумѣнія заглянуть во внутрь ея, въ ея сокровенное ядро. Чѣмъ глубже мы постигаемъ вещь, тѣмъ больше мы можемъ. Кому извѣстны сокровенныя имена вещей, *нѣтъ* для того ничего непреступаемаго. Ничто не устоитъ предъ вѣдающимъ имена, и, чѣмъ важнѣе, чѣмъ сильнѣе, чѣмъ многозначительнѣе носитель имени, тѣмъ мощнѣе, тѣмъ глубже, тѣмъ значительнѣе его имя...

„Ѳеургія и магія столь же стары, какъ и человѣчество. Вѣра въ силу зачатія и переживание своего мірообразующаго творчества простирается такъ же далеко, какъ и человѣкъ“...

Но здѣсь эзотеризмъ теософіи могъ бы закончить его мысль: далеко не всѣ кудесники являются тѣмъ могучимъ проводникомъ невѣдомыхъ силъ, какими Флоренскій рисуетъ ихъ, а между тѣмъ мы знаемъ, что безъ всякаго „акта воленія“, безъ всякаго „творческаго восторга зачатія“ заклинатель прекращаетъ боль, останавливаетъ кровотеченіе, вылечиваетъ заговоромъ отъ ядовитаго укуса змѣи и т. д. Тутъ у Флоренскаго не хватаетъ теософическаго знанія мыслеобразовъ съ одной стороны и оккультнаго значенія Мантры съ другой. И потому всѣ его интересныя разсужденія о силѣ слова и о „магіи имени“ недостаточно обоснованы, „Истинное имя“ всѣхъ вещей, которое можетъ быть познано лишь въ трансцендентальномъ мірѣ первообразовъ, онъ соединяетъ съ понятіемъ о земныхъ именахъ вещей, и тутъ его рѣчь

становится темной и невразумительной. Онъ схватилъ глубоко оккультную идею, но у него не хватаетъ тѣхъ звеньевъ, соединяющихъ ее съ земными, отраженными понятіями, которыми обладаетъ теософическій эзотеризмъ.

То же отсутствіе соединяющихъ звеньевъ обнаруживается и въ его главной мысли, которая служитъ выводомъ изъ всей его лекціи: „Стремленіе Платона къ цѣльному знанію, къ нераздробленному единству міропредставленія, находитъ себѣ точный откликъ во всеобъемлемости и органическомъ единствѣ первобытнаго міросозерцанія“. Если бы онъ къ этой мысли прибавилъ указаніе *на источникъ* этой „всеобъемлемости и этого единства первобытнаго міросозерцанія“, на мистеріи и на древнихъ посвященныхъ, которые руководили молодымъ человѣчествомъ, тогда его идеи получили бы разумное обоснованіе. Тогда какъ, безъ этого звена, его выводъ совершенно произвольный и неубѣдительный. „Безграничная вѣра Платона, говоритъ онъ, въ силу человѣческаго духа, есть прямое отраженіе народной вѣры въ возможность *творчества силою мысли*“.

Въ дѣйствительности, эта безграничная вѣра основана на томъ, что Платонъ былъ посвященъ въ древнія Мистеріи, народная же вѣра въ возможность творчества силою мысли (кудесники, заклинатели, знахари и т. д., которыхъ приводитъ Флоренскій и изъ магіи которыхъ онъ выводитъ идеализмъ Платона) *лишь* отраженіе истинныхъ магическихъ знаній, которыми обладали древніе посвященные. Это—*лишь* отрывочные, часто искаженные, лишенные своего научнаго обоснованія—ибо наука духа существуетъ такъ же, какъ и земная наука—осколки мистерьяльныхъ знаній, проникшихъ въ народъ. „Магическое міросозерцаніе“, продолжаетъ онъ, подразумѣвая подъ „магическимъ“ знаніе сути вещей, а не только ихъ формы,—нумена, а не только феномены, и способность вступать въ общеніе съ этой сутью, „такое міросозерцаніе не укладывается на разсудочной плоскости“. Это совершенно вѣрно, такъ какъ знанія, положенныя въ основу такого міросозерцанія, обнимаютъ не только физическій, но и потусторонніе планы бытія. Но выводъ, который Флоренскій дѣлаетъ изъ этой вѣрной мысли, говоритъ снова о недостаткѣ промежуточныхъ звеньевъ въ его умозаключеніяхъ. Онъ указываетъ на невозможность построить изъ народныхъ вѣрованій цѣльную систему мысли благодаря тому, что „магическое міросозерцаніе не укладывается *на разсудочной плоскости*“. И отсутствіе цѣльности, характеръ какъ бы „осколковъ“ въ системѣ Платона онъ объяс-

той же причиной. На самомъ дѣлѣ, причина безсистемности, обрывочности „народнаго магическаго міросозерцанія“ происходитъ отъ того, что народъ обладаетъ дѣйствительно лишь отрывками изъ стройной и цѣльной науки—религіи древнихъ посвященныхъ—Маговъ, и если народъ сохранилъ еще эти „неукладывающіяся въ разсудочную плоскость“ понятія, то только потому, что онъ продолжалъ жить въ непосредственной близости съ природой и не потерялъ своей органической связи съ остальнымъ міромъ, какъ ее потеряла интеллигенція. Что касается обрывочности системы Платона, которая на Флоренскаго производитъ впечатлѣніе „осколковъ цѣльной системы“ (стр. 30),— обрывочность эта происходитъ отъ того, что Платонъ хотя самъ и былъ посвященъ въ науку—религію древнихъ Мистерій, но выдавать ее міру не имѣлъ права; въ его ученіяхъ она могла лишь отражаться, передавать же ее во всей ея стройной цѣльности онъ не могъ въ виду обѣта молчанія, которымъ были связаны всѣ древніе посвященные.

Е. П.

Человѣкъ—это глазъ отраженнаго Бога въ зеркалѣ небытія. Человѣкъ—глазъ этого отраженія, а Богъ—свѣтъ глаза. Съ помощью этого глаза Богъ видитъ Себя.

Въ человѣкѣ, этомъ чудесномъ и таинственномъ созданіи, воплощается вся вселенная. Человѣкъ, какъ и она, составляетъ соединеніе дѣйствительнаго и недѣйствительнаго, добраго и недобраго, свѣта и мрака. Если онъ смотритъ внизъ и отворачивается отъ Бога, то онъ видитъ только мрачную тѣнь своего я, источника всѣхъ его страданій и грѣховъ. Но, если онъ научится смотрѣть вверхъ, то онъ увидитъ передъ собою свѣтъ и только свѣтъ, добро и только добро, Бога и только Бога.

(Изреченія Суфи, см. стр. 71).